

Петр Немировский

В СОЧЕЛЬНИК

Рассказ

1

За окном – мокрый снег, бьет в стекла. И ветер – у-у-уг!.. – завывает. А в доме тепло. Я лежу на своем матрасике. Накрыт одеяльцем. Жду, когда за мной придут родители и мы поедем в церковь.

Сегодня – Сочельник. (Католический Christmas прошел две недели назад). Новое, непонятное слово – Сочельник, что оно означает, сколько мама ни объясняла, так я до конца и не понял. Ясно одно: Сочельник связан с церковью, и с Младенцем Иисусом, и с ангелом. А самое главное – с подарком.

За несколько дней перед Новым годом я написал письмо Деду Морозу, вернее, писала мама, я диктовал. Попросил у него корабль. Запечатали письмо в большой конверт, папа наклеил настоящую марку. Я положил конверт под елку, светящуюся шарами и дождиком. Затем поставил под елку блюдце с печеньем и чашку с молоком. И пошел спать. Утром, проснувшись, сразу побежал к елке, проверить, забрал ли Дед Мороз письмо? Все в порядке: конверта под елкой не было, блюдце, где лежало печенье, – пусто, все молоко выпито. И первого января, с самого утра, в ванне плавал мой новый корабль!

Точно таким же образом я заказал накануне подарок и на Рождество. Тоже усадил маму за стол и продиктовал письмо. Только попросил подарок не у Деда Мороза (тот улетел на оленях обратно, на Северный полюс), а у ангела. И попросил уже не корабль, а вертолет.

Запечатали письмо в такой же большой конверт, наклеили марку. Я положил конверт под елку, поставил рядом блюдце с печеньем и

чашку с молоком. Проснувшись утром, побежал проверять. Все в порядке: ангел письмо унес, съев печенье и выпив молоко.

Если сегодня Сочельник, то, как объяснил папа, вертолет мне будет доставлен завтра утром. Потому что сегодня ангел занят: он должен быть в пещере, в Израиле, где родится Младенец Иисус.

У-у-уг!.. Завывает за окном, и хлещет дождь, и сечет снег по стеклу, и немножко страшно. Рядом со мною на матрасе спит Стив. Он еще совсем бэби – сегодня Стиву исполнилось только три годика.

Когда-то на его месте лежала Катя. Летом мы с ней во дворе расковыривали ямки в земле и вытаскивали червяков, в траве находили жуков и складывали их в банку. Иногда Кате это надоедало, и она уходила к девочкам играть в куклы, но все равно потом возвращалась ко мне.

У Кати не было папы – одна только мама. Когда мой папа приходил в садик, Катя тоже подбегала к калитке и радостно кричала: «Папа! Мой папочка пришел!» Тянула к нему руки, и он иногда поднимал ее. Я не любил это. Ведь папа – мой, не ее. Еще я боялся, что папа вдруг уйдет с Катей, а меня оставит. Поэтому, когда воспитательница звала: «Даня, за тобой пришел отец», – я, что духу бежал к калитке, отталкивая Катю, и хватал папу за руку.

В садике, во время тихого часа, мы с Катей часто не спали. Лежали, перемигиваясь, корчили рожицы и прятались друг от друга под одеялами. Но осенью она пошла в школу – Катя старше меня на год...

У-у-уг!.. Вой за окном мне напоминает о двух страшных существах: собаке Лаки и Скелете.

Лаки – большая черная овчарка с тонкой белой полосой на мохнатой груди; живет в подвале нашего шестиэтажного дома. В подвал с улицы ведут ступеньки каменного колодца. Потом – дверь, затянутая металлической сеткой. Сквозь дырочки сетки виден полутемный коридор, где бегают Лаки.

Иногда в тот колодец спускаются дети, живущие в нашем доме или по соседству. Подходят к двери и начинают дразнить овчарку: «гавкают», стреляют в нее из водяных пистолетов. Лаки подбегает к двери, заходится лаем, а дети орут еще сильнее, продолжая обстрел.

Я тоже хотел бы стоять там, в колодце, вместе со всеми. Но мне до того страшно, что не могу спуститься туда даже на одну ступеньку. А вдруг Лаки, сорвав дверь, ринется на меня?!

Хозяйка собаки – миссис Энн, она же и владелица всего дома. В конце каждого месяца заходит в нашу квартиру. Папа дает ей чек, а миссис Энн – мне шоколадную конфету:

– Какой милый мальчик!

Заходила бы она к нам почаще! Иногда вижу ее, выгуливающую Лаки. Овчарка тянет поводок, останавливается и крутится возле деревьев и кустов, что-то там вынюхивая.

Когда миссис Энн выгуливает Лаки, мне от нее не нужны никакие конфеты, даже шоколадные. У меня тогда одна забота – утянуть поскорее папу или маму, куда подальше.

– Лаки – старенький и больной, еле лапы передвигает. А ты – трусишка, – посмеивается надо мной папа.

Я не спорю. Но если кто-то боится собак, то ничего смешного в этом нет.

Еще я боюсь Скелета. На нашей улице живет настоящий Скелет. Однажды осенью, на Хэллоуин, мы пошли с папой вечером собирать конфеты. Я сказал, чтобы мне купили пластмассовое ведро цвета тыквы – для конфет. Мама была против нашего похода, говорила, что это «дурацкий обычай – попрошайничать». Но мы с папой ее не послушали.

Папа нарядил меня пиратом, и мы отправились в путь. «Trick or treat?!» (Фраза, с которой к взрослым в Хэллоуин обращаются дети, собирая в ведерки сладости – *авт.*)

Мое ведро быстро наполнялось конфетами.

Подшли к супермаркету. Там у входа было многолюдно, шумно, выряженные дети и взрослые толкались и что-то кричали. В какой-то момент толпа раздвинулась, я сделал шаг вперед... Вдруг черная фигура с капюшоном двинулась на меня, взмахнув косой. Взметнулся черный плащ, запрыгали белые кости: «У-у-уг...» Я описался и заплакал.

Папа, обычно спокойный, стал что-то Скелету доказывать, почти что ругался с ним. Скелет извинялся, совал мне конфеты, но коса его свистела в воздухе, в глазах его было черно, изо рта торчали кривые зубы. Страшнее этого Скелета ничего на свете нет.

Папа мне потом объяснил, что Скелет – это переодетый мистер Антонио, менеджер супермаркета, и что он не очень умный, если так «шутит».

Вернувшись домой, я, конечно, съел полведра конфет, пока мама не отняла. Но в ту ночь спал вместе с родителями. Мама прижимала меня к себе: «Не бойся. Тот скелет не настоящий...»

После Хэллоуина прошло много времени – два месяца, я вырос, смело захожу с родителями в тот супермаркет. Но иногда ночью мне снится Скелет в черном плаще: идет по улице, размахивая косой.

В такие жуткие ночи я сползаю с кровати, выхожу из своей комнаты и – прыг – в кровать родителей.

2

И вот родители забрали меня из садика. Мы все сели в машину. Мама спросила, не хочу ли я снять куртку, не будет ли мне в машине жарко.

– Нет, не хочу, – я продел руки под ремнями детского сиденья и защелкнул пластмассовый замок на груди.

Папа проверил, хорошо ли я пристегнут. У папы плохая привычка – все за мной проверять.

– Всё в порядке, можно ехать, – он сел за руль, перекрестится на иконку, прикрепленную на панели.

На иконке – ангел, в красном плаще, с золотым нимбом вокруг кудрявой головы. Такой ангел этой ночью принесет мне вертолет, после того, как побывает в пещере, где родится Младенец Иисус.

Честно признаться, в этой истории есть некоторая путаница. Папа говорит, что вертолет мне подарит Иисус, ангел же только доставит его под елку. Но как же Иисус может что-то дарить, если он еще – Младенец, бэби, ему самому еще нужны подарки?

Едем. Когда нет заторов, дорога в церковь не утомительна. Больше всего мне нравится трасса вдоль реки: смотрю на плывущие

корабли, в воде там, наверное, плавают киты и акулы. Почти как в моей ванне...

Что человек делает в церкви? По словам мамы, – молится и просит у Бога защиты. Папа со мной об этом не говорит. Папа считает меня еще маленьким, чтобы обсуждать такие серьезные вопросы. Он может спросить меня про Спонч Боба из мультфильма, кого тот поколошматил в последней серии, или о том, нравится ли мне новый корабль. О Боге же со мной беседует только мама.

Родители – на переднем сиденье. Уже и мост проехали, а они всё не прекращают разговор – о работе. Часто произносят: увольнение, уволили, уволят. Что за такое ужасное слово – уволят?

Одно время папа часто повторял: «Уволили Джима. Обещают еще увольнения...» Постоянно ходил понурый, сердитый. С недавних пор папа вроде повеселел, так теперь мама заладила: «В отделе маркетинга уволили еще троих. Что же будет?..»

Когда они говорят об «уволят», то, кажется, что ветер вот-вот ворвется в нашу машину. И треснут стекла, и отлетят дверцы, и мы останемся одни, в темноте, на этой занесенной снегом и грязью дороге. У-у-уволят!.. У-у-у...

3

– Даня, устал? Потерпи, скоро приедем. Видишь, какой снег, что всё замело, – говорит мама, выглянув из-за высокой спинки кресла.

У мамы красивые волосы: длинные, волнистые, цвета шоколада. Когда я был маленьким, любил лежать на спине и играть ее волосами, сжав их кончики в кулаках. Мне до того нравилось их дергать и тянуть

во все стороны, что мама порой кривила лицо от боли. Ни у кого на свете нет таких ласковых волос, только у мамы и... у Маши.

Потому-то, признаюсь, я и терплю эту поездку, не жалею. Потому что в церкви – Маша. Раньше я на нее не обращал внимания, а недавно как будто увидел впервые.

Маша – взрослая, ей уже десять лет. Она выше меня на две головы, но со мной охотно играет. Ее волосы обычно заплетены в косу. Но когда распущены, Маша похожа на волшебницу.

– А у мамы Иисуса Христа были красивые волосы? – спрашиваю.

Родители молчат, похоже, мой вопрос застал их врасплох.

– Да, красивые, – ответил, наконец, папа.

Представляю себе Младенца Иисуса, который, как и я когда-то, крепко держит волосы своей мамы и от удовольствия дрыгает ногами.

– Ты знаешь, кто такие волхвы? – спрашивает неожиданно папа и тут же сам отвечает: – Это добрые мудрецы. Они жили на Востоке и очень много знали. Однажды они увидели звезду на небе. Звезда горела так ярко, как ни одна из других звезд, и волхвы поняли, что в мире скоро случится чудо. Они сели на верблюдов и отправились по пустыне, следом за звездой. Подошли к одному полю. Там было темно, только вдали горели костры пастухов, – рассказывал папа историю, которую я уже не раз слышал от мамы. Но папа излагал более обстоятельно, с важными подробностями: – Звезда остановилась над горой, где была пещера. И туда с неба полился свет. Вернее, свет полился из самой пещеры, потому что там родился – кто?

Я молчал, зная, что папе мой ответ не нужен.

– Правильно, – Младенец Христос. Волхвы спешили с верблюдов и понесли в пещеру подарки. Залаяли собаки и

переполошились пастухи. Но волхвы им сказали, что они – не разбойники, и что пришли поклониться Христу. И тогда все вместе направились в пещеру. А там, в деревянных яслях...

Я представил себе ту пещеру, где были еще и коровы, и овцы, и тысяча миллионов ангелов, и пастухи с собаками, и волхвы с верблюдами. Как же они все там поместились?

4

В прошлое воскресенье после церковной службы мы строили в церковном дворике снежную крепость: Маша нагребала лопатой снег, я и другие ребята лепили стены. Я возвел высоченную стену, почти по пояс, и просил Машу, чтобы принесла еще снега. Ей приходилось ходить с лопатой по всему дворику.

Родители стояли неподалеку, перетаптываясь с ноги на ногу. Мама спрашивала:

– Даня, может, хватит строить? Ты уже весь в снегу!

Как будто я не понимал, что дело не во мне, – им самим холодно. Но разве я мог уйти, оставив Машу и не достроив крепость?..

Машина остановилась. Я сидел неподвижно, задумавшись о звезде, о шоколадных конфетах, о Маше, о снеге... и если бы не папины руки, подхватившие меня под мышки, уснул бы.

– Мы немного опоздали. Великое Повечерие уже началось, – сказала мама, накрывая свою голову косынкой.

5

В церкви не так интересно, как во дворе. Приходится искать, чем себя занять.

Разумеется, свечи. Мама всегда покупает и дает мне три свечи. Зажигаю и ставлю их в высокий подсвечник, сидя на руках мамы, и шепотом называю всех, кого Бог должен защитить: папу и маму; живущих в Петербурге бабушку Зою и деда Антона; жуков, улиток, и, конечно, Машу.

Под каждым подсвечником на полу стоят жестяные банки с огарками. Когда начинается служба, я усаживаюсь возле одной из этих банок. Из восковых палочек строю домики и самолетики. Строительство это несложное: отделяешь огарок от комка слипшихся свечек, подбираешь другую восковую палочку, а затем соединяешь оба конца.

Главное, чтобы в это время тебя не заметила одна строгая миссис с очень острыми глазами. Если она вдруг устремит свой соколиный взор на меня, сидящего возле банки и занятого строительством, – все, конец. Обязательно подойдет и, наклонившись, помахивая перед моим носом пальцем с накрашенным ногтем, скажет, что в церкви так себя не ведут, и заставит выбросить построенный самолетик обратно в банку.

Маша во время службы стоит как взрослая, не балуется. Но иногда она отходит и, сев на скамейку, начинает рисовать или читать. Я тогда тоже беру свою книгу про зверей и сажусь рядом. Точно как папа, важно перелистываю страницы...

«У-у-уг!..» осталось на улице, за дверью, закрывшейся за нами. Мама сняла с меня куртку и кофту. Жарко в церкви. И людей – больше обычного. Гул, голоса, шепот, пение. Подсвечники – кострами, повсюду цветы, еловые ветки.

...О-ох и длинная же служба сегодня. Я уже и построил несколько домиков, и порисовал.

– Потерпи, еще недолго осталось, – обещает мама, погладив меня по голове.

Маша сегодня почему-то не читает и не рисует. Стоит рядом со своей мамой, вся нарядная – в белой кофте и светлой юбке. Вот, наконец, она отходит и садится на ступеньку под большой иконой. Подтягивает свои черные сапожки. Потом упирает локти в колени, кладет лицо в раскрытые ладони. Похоже, ей тоже стало скучно.

Вдруг бросает взгляд на меня, стоящего напротив. Улыбнувшись, подмигивает. Поправляет волосы под косынкой. Я улыбаюсь в ответ. Мне почему-то становится так стыдно и, в то же время, так приятно, как никогда в жизни... Непонятное смущение заливает мое лицо и я отхожу.

«Пови-ит Его и положи-и в я-ясле-ех...» – читает священник. Гул все нарастает, нарастает. Сильнее пахнет цветами и хвоей.

«Во-олхвы падше поклонишася Ему-у...» – голос священника дрожит, прерывается. Неужели священник плачет?

Мама вытирает слезы. И мама Маши тоже почему-то плачет. И Маша, глядя на свою маму, начинает часто моргать заблестевшими глазами...

После службы едем домой.

– Знаешь, сынок, каким елеем тебя сегодня помазал священник?

– спрашивает папа. Против обыкновения, отвечает не сразу на свой вопрос, ждет.

– Каким?

– Тем елеем, что принесли в пещеру волхвы, чтобы помазать Младенца Иисуса.

– А Иисус Христос боялся собак?

Это же очень важный вопрос: а что если в ту пещеру ворвется Лаки? Ведь тогда же все разбегутся: и волхвы, и пастухи, и верблюды, и Спонч Боб – все убегут, оставив Младенца.

– Нет, не боялся, – весело отвечает мама. – Христос собак жалел и с ними дружил.

У меня на душе становится совсем спокойно. Родители молчат, но молчат хорошо, задумчиво. Пахнет елеем, и ладаном, и... шоколадом.

Вынимаю из кармана куртки разноцветные кнопочки своих любимых шоколадных конфет «М&М»: сегодня в садике у Стива был день рождения, и всем дали по упаковке «М&М». Сейчас главное – вынимать их осторожненько, чтобы мама не заметила.

Думаю о Лаки и Младенце Иисусе. Как же он не боялся собак, а жалел их? Неужели давал им шоколад? Может, и мне дать Лаки несколько конфет? Он ведь там, в подвале, один, тоже ждет подарка...

У-у-уг!.. воет ветер. Ш-ш-ш... шелестят колеса. Х-х-х... гудит печка. Летит снег, летят огни. Тоже лечу, сжимая в кармане шоколадные конфеты...

8

Утром мой новый вертолет носился над водой, падал, ударяясь в пустую плавающую в ванне бутылку от шампуня. Потом мы позавтракали, и я потянул папу на улицу.

В кармане моей куртки оставалось несколько конфеток «М&М» для Лаки. Чего бы мне это ни стоило, дам ему сейчас этот подарок! Теперь я знал наверняка: Лаки такой злой и несчастный потому, что ему никогда не давали шоколад.

Мы вышли во двор. Я побежал к каменному колодцу на углу дома, а папа остался разговаривать с миссис Энн возле подъезда.

Сердце мое сильно забилося. Я подошел к ступенькам колодца. Страх совсем не было. Теперь у меня появится друг. И я больше собак не боюсь! И мы вместе с Лаки пойдем колотить Скелета!

Железная дверь в подвал была открыта. ??? Неужели миссис Энн забыла закрыть замок? Или Лаки убежал?

Я спустился еще на ступеньку. Присев на корточки, заглянул в подвал. Там – пусто. Помчался обратно:

– А где Лаки? Его в подвале нет!

Папа почему-то смутился, не ответил.

– Лаки был старый и очень больной. Ему сделали укол... – ответила миссис Энн, скривив губы.

– Зачем?! Зачем?! – я снова понесся назад.

Спустился по ступенькам и, оттолкнув скрипучую дверь, очутился в подвале. Дошел до самого конца. Там, на полу, стояла пластмассовая миска, на дне которой лежали какие-то темные кусочки.

Вытерев слезы, я достал из кармана три красные конфетки.
Положил их в миску.

Лаки старый и больной потому, что всю жизнь его держали в подвале, дразнили и обстреливали водой из пистолетов. Ему сделают укол, и он вернется обратно. Я буду кормить его шоколадом каждый день.